ИВАН
СЕРГЕЕВ
ДВА
ЛЕБЕДЯ
ХРОНИКА
ОДНОГО
ОТКРЫТИЯ
ПЦ «Мульти Медиа»

Иван Сергеев

Два лебедя (Любовь, матрица и картошка)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610095
Два лебедя: Нордмедиздат; Санкт-Петербург; 2011

Аннотация

Все помнят нашумевший фильм братьев Вачовски – «Матрица».

Но никто даже не догадывается, что задолго до выхода в свет этого фильма в России работал над расшифровкой Матрицы общения главный герой романа Ивана Сергеева «Два лебедя». Начав работу над Матрицей в девятнадцатилетнем возрасте, он посвятил ее познанию всю свою жизнь. И вот теперь как бы обращается со страниц романа к вам, дорогие соотечественники. Книга читается на одном дыхании. Остросюжетный роман захватывает вас целиком. И кажется, что на страницах романа вершится судьба всего человечества.

Содержание

Непризнанные гении 4
Любовное свидание с Верочкой Клюге 7
Девять кругов Ада 10
Снова Вельзенд 15
Свадьба 17
Смех на палке 20
Первый круг Ада 23
Сергей Иванович Верендягин 27
Сергей Иванович Верендягин (продолжение) 31
Лева Цвик 33
Дневник 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Иван Сергеев
Два лебедя

Непризнанные гении

Все помнят нашумевший фильм братьев Вайчевских – «Матрица». Но никто даже не догадывается, что задолго до выхода в свет этого фильма в России работал над расшифровкой Матрицы общения главный герой романа Ивана Сергеева «Два лебедя». Начав работу над Матрицей в девятнадцатилетнем возрасте, он посвятил ее познанию всю свою жизнь. И вот теперь как бы обращается со страниц романа к вам, дорогие соотечественники. Книга читается на одном дыхании. Остросюжетный роман захватывает вас целиком. И кажется, что на страницах романа вершится судьба всего человечества.

Я не являюсь непризнанным гением. Вот мой друг, доктор Владимир Зайцев, является таковым. Он открыл Биологические часы земли и запатентовал их, а это, доложу вам, вещь наисерьезнейшая. Тем не менее, ни в одном государственном учреждении он не числится, а занимается лишь частной практикой.

Обо мне Зайцев говорит, что я сделал выдающееся открытие, описав в своих публикациях Матрицу общения. Но я не вижу в этом ничего выдающегося, потому что это оказалось никому не нужно.

В 2005 году мы выпустили с ним совместную книжку. Называлась она «Лечение водородом и регуляция словом». При этом первая часть книги была написана Зайцевым, а вторая – «Регуляция словом» – мною. Именно в ней я коротко написал о Матрице. Эта книжка вышла тиражом три тысячи экземпляров и разошлась за год. Несомненный успех. Он должен был подвигнуть нас на написание новой совместной книги. Но не подвигнул.

Следует отметить особо, что доктор Зайцев очень верит гороскопам и магии чисел. Когда наше знакомство состоялось, он первым делом определил число моего имени и число дня моего рождения. Число моего имени было 13. У Володи Зайцева оно тоже равнялось 13.

– Это счастливое число, – похвалил меня доктор Зайцев.

– Ты, наверно, не знаешь, что это число Иисуса Христа?

– Как это? – удивился я.

– У Христа было двенадцать Апостолов. Тринадцатым был он сам, – говорил Володя Зайцев, продолжая свои вычисления. Оказалось, что и числа дней рождения у нас совпадали. Выпало число 11.

Номер квартиры у Зайцева был 38, что в сумме тоже было 11. Номер моей квартиры был 58, что в сумме было 13, что, по мнению Зайцева, было редчайшим совпадением. Кроме того, по восточному календарю мы оба были «обезьянами». Получив этот необыкновенный астрологический прогноз, мы сели за написание книги.

– Приведи-ка мне простенький пример по Матрице? – попросил Володя Зайцев.

– Давай визуализируем в Матрице предложение: «Я верю в себя!»

– Я! Я! Я! – начал повторять Владимир. – Я действительно ощущаю свое «Я» на корне языка. Это физиология. – «Я верю в себя»… Ударное «верю» визуализируется на кончике языка, и это тоже понятно.

– Ты начал понимать Матрицу! – обрадовался я.

– У тебя все так накручено, что черт ногу сломает. Проще надо писать!

– Куда же проще?

– Я знаю, почему тебя никто не понимает. Ты же – писатель! Ты хорошо пишешь. А вот Матрицу преподнести не можешь.

– И что ты от меня хочешь?

– Я решил включить тебя в свою книгу. У меня уже готова оздоровительная программа «Свет». А ты напишешь «Регуляцию словом». Писать надо быстро. Меня торопят. У нас всего десять дней – не более. Вначале напишешь коротко – «От автора». Далее «Описание Матрицы», затем «Законы Матрицы», самое главное – «Алгоритм Матрицы» и, наконец, – «История познания Матрицы».

– Ты думаешь, у меня получится?

– Напишешь «Алгоритм Матрицы» и впишешь навечно свое имя в историю ее познания.

Покидая Володю Зайцева, я уже знал, что в Матрице не должно быть много законов. У Гермеса Трисмегиста в его тайном учении о природе всего семь величайших принципов. А мне достаточно иметь четыре закона, потому что в сумме с величайшими получается опять число 11.

Первый я назвал «Закон постоянства «Я» в пространстве». Согласно этому закону, личное местоимение «Я» (мне, меня, мною, обо мне) всегда попадают своей мыслеформой на корень языка.

Второй закон я обозвал «Законом постоянства кода в Матрице». Согласно этому закону, повторно мыслеформы попадают в точки Матрицы, которые уже их кодировали.

Третий закон – «Закон симметричности попадания мыслеформ в точки Матрицы». Согласно этому закону, кодирование ударных слов Левой боковой парой и Правой осуществляется поочередно.

Четвертый закон – «Закон совпадения ударных мыслеформ». По этому закону при попадании нескольких мысле-форм в одну и ту же точку, возникает сброс мыслеформ в проекцию точки.

И, наконец, главное – четыре этих Закона составляют Алгоритм Матрицы, или порядок работы с ней.

Книга получилась на редкость удачная и принесла нам известность. Она сблизила нас.

Раз в неделю мы встречались у Зайцева на Гражданском проспекте недалеко от магазина «Старой книги», где он жил. Беседовали и пили коньяк. А тут он позвонил утром и сказал, что меня ожидает приятный сюрприз. Велел прихватить наш любимый коньяк, все мои книги о Матрице и ехать к нему на квартиру.

– Вот, знакомься. Это Лена Мясоедова, – бодрым голосом приветствовал меня доктор Зайцев. – Она специально приехала ко мне из Калининграда, чтобы встретиться с тобой. Сложная получилась комбинация, или, точнее, интрига: приехала к нему, чтобы встретиться со мной.

Лена Мясоедова оказалась фигуристой молодой аспиранткой со щекастым румяным лицом и веселыми васильковыми глазами. Она совершила этот вояж для того, чтобы познакомится поближе с Матрицей. Я протянул тут же ей свои книги о Матрице.

– Я готова их у вас купить, – вежливо сказала она.

– Как вы узнали о Матрице? – первым делом спросил я.

– По вашей совместной зеленой книжке, – просто сказала Лена.

Володя Зайцев, познакомив нас, поставил на стол высокие хрустальные стопки и налил в них коньяк. Он пригласил нас к столу, но Лена от коньяка отказалась. Мы же с Володей выпили за Матрицу по стопке Московского коньяка. Мне все у моего друга нравилось. И наш любимый коньяк, и обильная закуска на столе, и бойкая загадочная аспирантка, приехавшая ради меня из Калининграда.

– И что у вас думают на кафедре о Матрице? – спросил я Леночку Мясоедову. После полной стопки коньяка она стала для меня Леночкой.

– На кафедре вас считают гением! – со значением сказала Лена, прохаживаясь вдоль стола, за которым мы сидели. Ее слова так меня порадовали, что я решил не брать с Лены денег за книги.

– Что дает Матрица современной цивилизации? – с надеждой спросила Леночка. Как видно, этот вопрос ее очень интересовал, и, может быть, ради этого она и приехала.

– Матрица открывает совершенно новое знание для человечества, – заговорил с воодушевлением я. – Она основана на восприятии Целостного предметного действия. А эта технология, как показали эксперименты А.И.Мещерякова на слепоглухонемых детях, приведет к невиданному духовному расцвету современную цивилизацию. К сожалению, я являюсь пока единственным носителем этого знания. Круг людей, прочитавших мои книги, очень ограничен. Необходим качественно новый подход в познании Матрицы.

– На нашей кафедре уже разработали математическую модель Матрицы, – сказала Лена.

– Что эта за модель? – тут же с интересом спросил я.

– О, это очень просто! – Отвечала Лена. – Я потом объясню, как она получается. Но она так и не объяснила мне, что такое математическая модель Матрицы. Через год она написала кандидатскую диссертацию по Матрице и успешно ее защитила.

Об этом я узнал от доктора Зайцева. В отличие от своего друга, я обрадовался этой новости. Впервые Матрица получила настоящее научное признание! Я взял телефон Лены у Володи Зайцева и вечером позвонил ей в Калининград по мобильнику.

Я узнал ее голос – все такой же спокойный и уравновешенный. Поздравил ее с успешной защитой. Спросил ее о математической модели Матрицы…

– Вы знаете, на кафедре мне сказали не говорить вам об этом, – холодно сказала она.

– О чем вы говорите? – опешил я от неожиданности. – Да мы теперь с вами такую кашу заварим! Хотелось бы приехать к вам на кафедру.

– Это лишнее, – прервала меня Леночка и отключила мобильник. Так я от нее ничего не добился. Она просто воспользовалась моими знаниями, чтобы успешно защититься. А иного ей было не надо. Хищница! Но больше всего негодовал Володя Зайцев. Он обругал себя за доверчивость, считая себя виноватым, что свел нас на своей квартире. С такой авантюристкой надо судиться – решительно заявил он. Но я наотрез отказался судиться с Леночкой Мясоедовой. Для меня ее успешная защита была в пользу Матрицы. Жаль, конечно, что Леночка оказалась пустышкой. А ведь если бы она замахнулась на докторскую диссертацию, я бы и тут не отказал ей в бескорыстной помощи.

Любовное свидание с Верочкой Клюге

Размышляя о вероломстве Мясоедовой, я вспомнил о своей первой любви. Давно это было, еще в прошлом веке. Но воспоминания мои настолько свежи, что я чувствую себя молодым человеком.

Верочка Клюге, моя первая любовь, совсем не походила своей внешностью на Леночку Мясоедову. Она была невысокого роста, аккуратненькая и симпатичная. К тому же, у нее не было такой напористости и целеустремленности.

Я – человек, создавший себя своими руками. Но, считая так, я грешу против истины: Верочка Клюге очень помогла мне в этом. Познакомились мы на Черном море и начали встречаться в Питере. До меня не сразу дошло, что она будет ожидать меня в полночь в своей двухкомнатной квартире. Мысль о том, что мне снова придется раздевать ее, обожгла мое воображение своей чудесной неповторимостью. Мне был свыше дан новый шанс, и я обязан был его использовать. Я представил, как она возникнет передо мной обнаженная, залитая золотистым лунным светом, льющимся в окно. И у меня от возбуждения перехватило дыхание. Дрожащим голосом я сказал Клюге в телефонную трубку, что обязательно буду.

Задрожишь тут, когда такое намечается. Верочка же игривым тоном добавила, что повесит на окне белый платочек, если родители заночуют на Школьной улице, где располагалась их вторая квартира.

Мне стыдно признать, но моя первая любовная встреча закончилась с ней безрезультатно.

В тот день я не мог заниматься ничем. Думал только о заветном белом платке. А тут еще по радио передавали песню в исполнении Клавдии Ивановны Шульженко: «Строчи, пулеметчик, за синий платочек, что был на плечах дорогих!» Я врубил эту песню на всю катушку и стал о Верочке Клюге думать и видел в ней одни только достоинства.

Когда питерский воздух стал прохладно-синим, отправился я на свое первое любовное свидание. Иду, стало быть, от Ланской, гляжу с восторгом на дома. В окнах хрущевских пятиэтажек зажглись приветливые огни. То на город Петра упала с поднебесья романтическая действительность. И в этой действительности совершается нечто запредельно прекрасное; происходит от новизны чувств очищение души до чистоты детской взрослоти.

Где-то недалеко находится место дуэли Пушкина. И совсем рядом стоял дом, где меня ждали. Отчего свидание с Верочкой стало походить на смертельную дуэль, потому что я решил или умереть в ее объятьях, или уйти от нее мужчиной.

Серый дом показался на удивление знакомым. Я тут же взглянул на угловые окна пятого этажа, но в них горел ровный свет. Тогда я уселся на детские качели, и ржавая цепь, словно расстроенная скрипка, тоскливо запела, повествуя редким прохожим о страсти, разлуке и первой любви.

Наконец свет в окнах пятого этажа погас. Но сигнала о полной капитуляции моей возлюбленной, белого платка, никто на окно не повесил. Тогда я начал злиться на свою самоуверенность. К счастью, внутреннее обостренное чутье заставило меня осмотреть еще несколько домов, удивительно похожих. Как радостно забилось мое сердце, когда в одном из них я увидел ослепительно-белый платок. Винтом взлетел я по ступенькам до пятого этажа.

Клюжечка встретила меня приветливо. Позволила себя раздеть. В звездных сумерках ее дивное молодое тело казалось еще прекраснее и дышало страстью и чистотой. И тогда, чтобы она не исчезла навсегда за завесой времени, я впервые занялся с ней любовью, о которой она мечтала. Ее слова: «Мне нужен парень – огонь!» – до сих пор звучат в моем сердце.

До утра не выпускал я ее из своих объятий. С восходом солнца я понял, как хорошо быть настоящим мужчиной. Я чувствовал необыкновенную легкость во всем теле. Но возникшая тревога заставила меня спешно одеться и, не позавтракав, покинуть Веру. Неловко поцеловав ее в щеку, боясь коснуться ее зовущего прекрасного тела, я выскочил на лестничную площадку. И, прыгая через две ступеньки, устремился вниз. Я смутно помнил, что происходило со мной.

И потому не в состоянии был понять, как оказался в Центральном парке культуры и отдыха или просто ЦПКиО. Лишь остановившись возле бронзовой статуи гимнастки – она грациозно подняла ножку и взметнула вверх руки, – пришел в себя. Взглянул на часы. Прошло уже несколько часов, как я расстался с Верой. Я сел на белую скамейку напротив отлитой в бронзе гимнастки и не мог отвести от нее глаз: в грациозном движении рук, маленькой узкой стопе, высокой девичьей груди, лебединой шее и одухотворенном повороте головы я уловил невольное сходство с Верочкой Клюге, с которой провел восхитительную ночь. Я склонился перед очаровательной гимнасткой, словно Пигмалион перед воплощенной мечтой.

И тут в голове моей началось сверление. Жуткое ощущение близкой кончины охватило меня. Боли я не испытывал. Поэтому мне было любопытно, чем это незнакомое мне явление закончится. Вихрь воспоминаний охватил меня, а в голове было ясно и спокойно. Хладнокровие не покидало меня ни на секунду. А сверление внутри головы набирало силу. И когда оно должно было пронзить меня насквозь, обрело ясные и конкретные очертания. Затем сверление перешло на корень языка. Это было новое, доселе неизвестное мне приятнейшее ощущение, продолжающееся теперь только на корне языка с такой стремительностью и новизной, с какой падает с небес долгожданный летний ливень. Изумление, не покидавшее меня ни на секунду, соединилось со знакомой мелодией «Битлз», звучавшей в моем сознании. Они стали для меня синонимом оргазма – бешенное, злое и ненасытное сверление и в тоже время сладостное, восхитительное и родное, – оно сдавило меня со всех сторон и вдруг перешло в приятнейшее щекотание по всей поверхности языка и исчезло также внезапно, как и возникло.

Я плотно закрыл глаза еще до начала этой свистопляски и теперь не решался приоткрыть их. Когда же я вновь с трепетом взглянул на свет Божий, почувствовал совершенно явственно, что окружающий мир расширился, став объемнее, гармоничнее и совершеннее. И тогда мне захотелось проверить это совершенство с помощью слова.

– Я определенно стал умнее, – подумалось мне.

– Конечно! – услышал я внутри себя чей-то восторженный голос. Этот голос был мне не знаком, но был желанным.

– Кто ты? – спросил я с любопытством.

– Я – твое второе «Я»! – последовал немедленный ответ.

– Очень приятно с тобой познакомиться. Но почему ты раньше молчало? А теперь взяло и прорезалось. – Мне приходилось хитрить и анализировать одновременно, чтобы не позволить какой-нибудь хитрой бестии занять освободившееся пространство.

– А меня просто не было. Я, кажется, только теперь народилось. – Стало быть, я жил теперь с новорожденным. Сам в себе породил ненасытного зверя и болтуна.

– Но почему у тебя такой детский голос? – спрашиваю я хитро и тут же сам себе отвечаю. – Ах, да, ты же только появилось на свет!

– Только не говори мне «Ты». Ведь я и есть твое настоящее «Я». Иначе, какого лешего я родилось? – не успело народиться, а уже выражается.

– Про «яблоко и тыблоко» я начитан с детства, – умно так ввернул я, пытаясь перестроиться на ходу. А оно мне: «Вот именно!»

– Мы теперь одно целое и будем задавать друг другу вопросы на «Да и нет!»

– Какой ты еще глупый. Ты что, решил превратить себя в детектор лжи?

– Совсем глупый?

– Ну не совсем.

– Значит, все-таки умный?

– Очень умный! – кажется, мой авторитет растет на глазах.

– Но я должен быть в этом совершенно уверен!

– Да! – услышал я наивный ответ ребенка, которого мне предстояло сделать настоящим мужчиной.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Не знаю.

– Но я должен это знать!

– Не зна-ю. – Как растянуто я стал отвечать на свои вопросы. – Но почему?

– По-то-му что я у-ста-ло. Вот.

– И в этом состоит моя проблема?

– Да!

– Спасибо тебе за очень лаконичный ответ. Бедный я, несчастный.

– По-жа-луй-ста. – Вот в рот компот. Такая выходит аптека!

– Прошу тебя, не умолкай! Ответь на последний вопрос: «Верочка меня любит?» – Но мой вопрос утонул в зловещей тишине рассудка. Мое второе «Я» блаженно спало. И я напрасно ожидал от него ясных ответов на поставленные вопросы.

Удивительно, как я мог жить и не спорить с самим собой? Не спорить на протяжении двадцати четырех лет.

– Как чудесно, что я могу спорить с собой! – радостно воскликнул я, зачарованно осматривая свои сильные мускулистые руки. Я был настолько цельной личностью, что ничего детского не могло быть во мне, кроме души ребенка – она вдруг пробудилась во мне, наивная и незащищенная, как ей и положено быть. И завела свой незамысловатый трогательный диалог. Я сразу же догадался, что со мной произошло чудо. Но именно благодаря этому чуду я мог начать новое восхождение на вершину познания. Именно на этой вершине я смогу насладиться внутренним диалогом с самим собой, когда у меня будет уже не детская, а мужественная душа. Но я еще не представлял, каких нечеловеческих усилий будет стоить мне восхождение на эту новую для меня вершину. И что, взойдя на нее, я познаю Матрицу, с помощью которой мы все общаемся.

А пока мне предстояло пройти девять кругов Ада.

Девять кругов Ада

Итак, мне было двадцать четыре года, когда я близко сошелся с Верочкой Клюге. Мы стали встречаться то на квартире моих родителей – на улице Вавиловых, то на Торжковской, где произошла наша первая встреча. Я был тогда гражданином великой страны, где каждый трудился на Светлое Будущее. Рабочие, инженеры и служащие принимали повышенные социалистические обязательства. Мне тоже захотелось невольно принять участие в этом всеобщем движении, потому что это было захватывающее ощущение, такое же сладкое, как ощущение молодости, приход весны, ни с чем не сравнимый аромат липких тополиных листочков. И, однако, за этим всеобщим благополучием скрывалась суровая действительность, именуемая Цензурой. Делающая свободу настолько призрачной, что, кроме лозунга «Да здравствует коммунистическая партия Советского Союза!», иные словосочетания в эту свободу не вписывались.

Я невольно вспомнил и об этом, направляясь на Металлический завод, где мне предстояло работать.

Это был чудесный день! Весна дружно вступала в свои права, пробуждая в людях все лучшее, чем наделила их природа. Всем хотелось вместе со стремительным набуханием почек выглядеть престижнее и богаче, чем они были на самом деле, потому что истинно преуспевающих людей в России тогда быть не могло. А если они изредка попадались на глаза стражей порядка, то вскоре оказывались за решеткой. Свое дело открыть в то время было так же невозможно, как прокатиться по Невскому проспекту на слоне.

Поэтому, кроме завода с его конструкторским бюро «от звонка до звонка», мне ничего не светило. Зато лифты исправно работали, зарплату вовремя выдавали и железную дорогу не разбирали на металлолом. Да и бомжей, разбирающих железную дорогу на металлолом, тогда не было. Не бродили они по Питеру, согбенные и грязные.

Рабочее место я получил возле коридора, по которому шастали туда и сюда заядлые курильщики, носились за чертежами молодые специалисты и фланировали степенно чьи-то пресытившиеся любовницы.

Коридор был длинный и узкий. Разойтись в нем можно было, прижимаясь друг к другу, что коллектив очень даже сближало и сплачивало, хотя слово «секс» тогда еще вслух не употреблялось и до сексуальной революции было очень и очень далеко. Однако проявления сексуальной революции уже были на лицо, и ни у кого даже мысли не возникло прекратить это безобразие.

Рядом со мной сидела высокая девушка с ярко накрашенными губами. Глаза у нее были подведены так старательно, что она напоминала куклу Мальвину из сказки «Буратино или золотой ключик». Звали ее Надеждой Хлебниковой. Она кокетничала со всеми подающими надежду молодыми специалистами. И со мной тут же начала непринужденную беседу.

Я узнал от нее, что наш начальник тяжело болен. Жену-красавицу оставил надолго одну. Но разве узкий коридорчик позволит умереть хорошенькой женщине с тоски? И вот стала она ходить по длинному коридорчику. На лице – сама скромность. А коридор бесконечный. Туфельки ее по коридору цокают и цокают. Мужчины этот цокот издалека узнают и так безошибочно, словно не только ушами слушают. А она плывет, как каравелла, и от каждого выслушивает сочувствие и готовность помочь. И ко всем прижиматься приходится – коридорчик-то узкий! К одному спиной прижмется. К другому – грудью. А грудь у нее просто восхитительная. Не грудь, а плацдарм для атаки. Так что мужчины быстро сообразили, что к чему: ведь такой коридорчик все равно, что русская баня – все люди вроде как голые. Подобрала она себе неказистого – вот такой мордоворот. Зато в остальном всех обскакал: самым жалостливым, подлец, оказался.

Мужинек ее быстро пошел на поправку. Научился читать ее послания между строк.

Его обязанности (по работе!) временно и дотошно исполнял Юрий Алексеевич Лосев, невысокий, плешивый и гладко выбритый человек. Он был достаточно умен, хотя разговаривал с подчиненными с вечно улыбающимся ртом. Юрий Алексеевич очень напоминал комического актера Леонова, снявшегося в кинокомедии «Полосатый рейс». И коллектив Лосеву достался, что называется, с когтями.

Утром он собрал профсоюзное собрание. Я присутствовал на собрании из любопытства. Зажигательной, непринужденной речью попытался увлечь Юрий Алексеевич членов профсоюза. А только старался он зря, потому что Бугель Михаил Сергеевич его не слушал. Ни искорки энтузиазма не вспыхнуло в надменных шаловливых глазах этого красивого еврея.

– Прежде всего, нам следует определиться с направляющими аппаратами, – воскликнул Юрий Алексеевич, проницательно читая на холеном лице Бугеля полное нежелание заниматься этим узлом. И именно поэтому предложил ему этот узел.

– Да вы что, Юрий Алексеевич? – с негодованием воскликнул Бугель.

– Ты, между прочем, комсорг! И должен показывать пример.

Да, я – комсорг. Меня все время отрывают от работы. И я еще буду брать на себя заведомо невыполнимое обязательство!

– Так новенькому дать, что ли, эту работу? – со злостью воскликнул Лосев, дойдя до точки кипения. Под “новеньким”, как оказалось, он имел ввиду меня. Наденька Хлебникова звонко рассмеялась, приняв его слова за шутку. Бугель вонзил свои шальные глаза ей под юбку, отчего она похотливо заерзала на стуле и так жгуче подмигнула в ответ, что у того дыхание перехватило от предвкушения.

– Спроси его, может, возьмется! – с издевкой ответил Бугель. – А я не могу, потому что со всех сторон дергают. – Опасную игру затеял Бугель с Лосевым. Эта опасная игра состояла в том, что комсорг, несмотря на молодость, был уже достаточно силен, чтобы свалить Юрия Алексеевича с его важной и ответственной должности метким, вовремя сказанным словом. При этом – ничегонеделанием.

Лосев сразу почувствовал, как заколебалась родимая, да под ножками, и почти с мольбой уставился на меня. Что он собирался в моих глазах высмотреть? Я и не знал никого. Не успел, кроме Надежды, еще ни с кем познакомиться. А только одно слово «соцобязательство» подействовало на меня так магически, что я готов был все отдать за него до последней рубахи. И это качество угадал в моих глазах Лосев.

– А может, в самом деле, возьмешься? – уцепился за меня Лосев, как за спасительную соломинку.

– Попробую! – бойко согласился я.

– Значит берешься. Ох и молодец! – тут же поддержал меня Лосев, – Ты, главное, не робей. – А я подумал: «Зачем мне всё это?» – Не ожидал я от себя такой прыти. И как только язык повернулся сказать такое?

Остальную работу Юрий Алексеевич ловко распределил между сотрудниками благодаря пробудившемуся рвению снизу. Тут же приняли встречное соцобязательство, под которым все дружно расписались. И все разошлись, кто покурить, а кто и пофлиртовать. А Бугель с Наденькой Хлебниковой отправились сразу же в Красный уголок и занялись там тем, чем и занимались комсорг со своим заместителем в их молодые годы.

Все это не осталось не замечено мною. И оттого я сидел, насмешливо улыбаясь, за своим столом, чувствуя себя чуть ли не центром Вселенной. Да иначе я не мог себя ощущать, оказавшись в эпохе, где было столько много хорошего.

На окне сидел забияка-воробей. Он гордо поглядывал озорными глазами на меня сверху. А только в его глазах не было и искорки решения задачи «Да – Нет». А в направ-

ляющих аппаратах ее было много. Это вполне меня устраивало и делало похожим на забияку-воробья. Но только похожим. А как хотелось не проходить девять кругов Ада и быть свободным и дерзким, как эта вольная птичка.

Да, я готов к борьбе! Я буду вести сам с собой блестящие диалоги – дерзкие, веселые, озорные. Никто не знает, как мне трудно вести их, потому что моя детская душа капризничает, надолго замолкает или отвечает по-церковному нараспев. Но я не имею права сдаваться и потому готов использовать весь накопленный человечеством опыт, чтобы выстоять.

Чтобы пройти первый круг Ада, я начал читать Джека Лондона. Много раз я перечитал любимый Лениным рассказ «Любовь к жизни». И замечательная книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» не была обойдена моим вниманием.

Мне столько не хватало – вот почему приходилось отвечать за себя и за «того парня». Такой диалог казался убогим, чем-то напоминающим трехпрограммный приемник, в котором вторая и третья программы не работали. Эта грубая аналогия помогла мне остро почувствовать, чего я был лишен. И тогда я решил поговорить сам с собой начистоту.

– Я буду откровенен. Самому себе врать не положено. – Я говорю и сам себя слушаю. Но душа-то молчит! – При решении задачи «Да – Нет» возможны ситуации, когда внутренний голос запаздывает или совсем лишен эмоций. То и другое плохо.

– Я понимаю! – Мое «Я» моментально включилось в этот жесткий диалог.

– Все решают эмоции. Чем больше живых эмоций, тем ближе к истине.

– Но эмоции иногда заслоняют собой истину.

– В споре рождается истина.

– Истина рождается в споре с самим собой!

– Именно этот ответ я и хотел услышать. – Черт возьми, такой эмоциональной реакции я не ожидал.

– Мы вдвоем горы свернем.

– Но мне бы хотелось провести тестирование.

– Зачем тебе понадобилось оно?

– Чтобы знать свои возможности.

– Хорошо, начинай изверг.

– Голубой цвет может быть красным?

– Если я не дальтоник?

– Да, я – не дальтоник.

– По-моему, нет.

– А по-моему?

– По-моему, тоже нет.

– А если копнуть глубже?

– Не знаю.

– Чего я не знаю?

– Зачем копать глубже?

– Чтобы знать эмоциональные пределы задачи «Да – Нет». Мне важно, чтобы отвечал ты, а не я.

– Я знаю, что ты чуть не погиб на скамейке перед бронзовой гимнасткой. Но ты выжил. И вот теперь страдаешь сам и мне не даешь покоя. С моим появлением все так усложнилось. Но если ты забудешь обо мне или выкинешь меня из головы, я просто исчезну. И как тогда ты будешь проходить девять кругов Ада?

– Я не выброшу тебя из головы! Не дам тебе умереть. Мы пройдем вместе первый круг Ада, а затем остальные круги. Это была восхитительная концовка.

Неожиданно ко мне подошел мужчина лет сорока, гладко выбритый и колючий. Я с ним не был знаком. Но Надежда успела мне шепнуть, что он был самым талантливым специа-

листом в нашем отделе – гроза бездельников, глупцов и проходимцев. Так я познакомился с Резниченко Владимиром Яковлевичем. Он постоял возле меня, собираясь сказать то, чего не скажешь, не познакомившись близко.

– Ты хоть объем работы себе представляешь? – наконец язвительно выдавил он из себя.

– Пока еще нет.

– Вот видишь, дело – дрянь.

– Постепенно разберусь, – убежденно ответил я. Но Владимир Яковлевич разглядел сразу, что убежденность у меня напускная, и оттого резкости в его голосе прибавилось.

– Времени у тебя нет разбираться. Тут грамотному специалисту, съевшему собаку на ЕСКД, и то надо было подумать. А ты взял и проголосовал. И откуда ты только такой выскочка взялся? – обидное словечко ввернул, ничего не скажешь. Но я почувствовал, что он жалеет меня и искренне хочет помочь. И потому не обиделся на него за эти слова, хотя тоже был ершистый.

– Ничего, прорвемся! – бодро отвечаю я. Резниченко еще раз поглядел на меня оценивающе и заговорил теплее.

– Ну, если такой молодец, то пиши, – он продиктовал и объяснил, как лучше браться за узел, чтобы сэкономить время по-крупному. Когда он ушел по коридору, припечатав молодуху титьками к своей груди кряжистой, я заточил твердый карандаш и сходил за ватманом, разглядев у завхоза на руке якорь. Должно быть, из моряков, раз носит такую татуировку, подумал я и начал чертить.

Вот когда проснулось во мне, что дано было от Бога, а все лишнее мгновенно забылось. Наденька Самохлебова поглядела на меня с сочувствием и подошла ближе. После посещения Красного уголка на ее щеках горел сочный румянец. На меня она глядела уничижительно. Не в почете было такое геройство в эпоху застоя. Ох, не в почете! Я насмешливо глянул на нее глазами из будущего и увидел на ее лице выражение шаловливое и смеющееся.

– Ну ты и герой! – воскликнула она с явным недоверием.

– Почему герой! Работать ведь надо.

– Ты, что же – решил отличиться? Или на совесть нашу вздумал надавить? Так ведь нет ее ни у кого.

– Даже не думал об этом.

– Михаил Сергеевич, смотри, какой осторожный. А он работает здесь очень давно. Ты же только появился и сразу в герои попал.

– Да мы с тобой этот узел за неделю выпустим, – улыбнулся я ее прыти.

– Неужели ты не понял, что стал козлом отпущения? – Ишь, куда ее занесло. Боковым зрением я заметил, что возле меня остановилась женщина, пахнувшая нежными духами. Мой нос помог мне безошибочно сориентироваться в значении ее присутствия. Я резко обернулся и заглянул ей в глаза, ища поддержки. Но только ошарашил ее новизной манер из-за собственной угловатости.

– Вас вызывают к главному конструктору, – вежливо доложила женщина. Мне секретарь главного сразу понравилась своей открытостью. И готов я был пойти за нею хоть на край света. Чтоб так покорно пойти – не каждый согласится. Тут ведь характер свой нельзя показать. Но я норов свой попридержал и потому возражать против неожиданного визита не стал.

Когда я вошел в кабинет главного, там уже находился Лосев. Возмущенный, негодующий, искренний. Главный конструктор оказался молодым и знающим себе цену человеком невысокого роста. Его кабинет был ему под стать. Это был не кабинет даже, а закуток, огороженный сплошной невысокой перегородкой.

Татьянкин глянул на меня проницательными веселыми глазами и протянул, как подарок, свою крепкую руку. Я пожал ее, выдержав его оценивающий взгляд, и для себя отметил, что его оттопыренные уши торчали, как у Чебурашки.

Вообще-то, я воспринимал происходящее скорее трагикомически, относясь к нему не так серьезно, как Лосев. Но, попав под пресс общественного мнения, заколебался и поставил подпись. Значит, не так, как все. И чтоб без сучка и задоринки. Это я уже решил для себя.

– Дело серьезное. Объем работы очень большой, – лукаво сказал Анатолий Павлович.

– Он справится, – ответил за меня Лосев.

– Почему вы так уверены в нем? Это же первый его узел.

– Да, первый. А он все равно справится, – стоял на своем Юрий Алексеевич. Казалось, он играет на тотализаторе. Поставил на меня, словно на скаковую лошадь. Хотя и не все знал обо мне этот удачливый человек.

– Что же вы опытному конструктору не поручили эту работу? – возмутился главный.

– Бугель наотрез отказался, – ловко отвел от себя удар Лосев. Они умели делать это в прошлом. Татьянкин посмотрел на него с недоумением. И, показав пальцем на портрет Ленина, добавил. – Как он мог отказаться? Он же комсорг, кажется.

– Именно поэтому и отказался. – Наступила напряженная пауза, во время которой глаза главного сосредоточенно глядели поверх перегородки. Поймав в поле зрения воркующего сизого голубя, сидящего на деревянной балке, главный усмехнулся и уставился на свои стоптанные башмаки.

– Так что будем делать? – приняв решение, спросил он, чтобы в случае неудачи отыграться на Лосеве.

– В этом молодом человеке наше спасение. Пусть он чертит, а мы ему поможем, – бодро предложил Лосев тот единственный путь, который мне еще предстояло пройти.

Татьянкин молча походил по кабинету, еще раз поглядел поверх перегородки, вставая даже на носки, чтобы принять окончательное решение. Затем подошел ко мне и положил руку мне на плечо:

– Ты уж постарайся, голубчик, а я тебе деньжат подброшу. Деньжата ведь тебе не помешают? – Эти слова стали историческими, соединив человека из будущего с удивительными персонажами, с которыми я когда-то работал.

– У меня сегодня свадьба, Анатолий Павлович, – промолвил я искрометно.

– Так вот почему ты такой покладистый, – усмехнулся главный.

– Можно сказать, что нам очень повезло, – согласился Лосев и улыбнулся широко и лучисто.

Свадьба – дело святое. Дали мне, как и положено, три дня на гуляние и отпустили с миром. Слова Татьянкина согрели меня. Я начал верить, что не зря по воле провидения попал на Металлический завод.

Когда я вышел вместе с Лосевым из кабинета главного, к нам подошел Бугель. Он был мрачнее корабельного кока, у которого в супе обнаружили таракана.

– Жаловаться ходил? – набросился он на Лосева.

– Да, жаловаться, – невозмутимо ответил Юрий Алексеевич. Они стояли и с негодованием смотрели друг на друга. Лосев торжествовал временную победу, замарав Бугеля. Михаил Сергеевич, умный и дальновидный, лихорадочно думал, как отомстить Лосеву. Я же распрощался с ними, с тревогой думая о предстоящей свадьбе.

Снова Вельзенд

Я никогда не связал бы свою судьбу с Верочкой Клюге, зная, что мне предстоит пройти девять кругов Ада. Но неожиданная встреча с Вельзендом заставила меня изменить решение. Начав писать книгу, я специально отказался от образа Андрея Кантемирова. Уж слишком часто Вельзенд вставал на его пути. В новой книге я заговорил от первого лица. Но господин чародей был слишком силен и коварен, чтобы можно было обойтись без него, поэтому эту главу я назвал «Снова Вельзенд».

В отношении свадьбы я не соврал главному конструктору. Думая о ней, я вышел через заводскую проходную на Свердловскую набережную и быстрым упругим шагом направился к Литейному мосту. Погода стояла солнечная. Вдоль Невы дул прохладный ветерок, поднимая легкую рябь на воде. Речной трамвай плыл по середине Невы. Он шел от Литейного моста. Девушка, ехавшая на крыше речного трамвая, держала голубой воздушный шар. Воздушный шар был такой большой, что девушка невольно привлекла мое внимание. Мне показалось, что наши глаза встретились. И тут девушка выпустила воздушный шар, и он, подхваченный ветром, полетел в мою сторону. Но тревожные мысли вновь нахлынули на меня. Занятый ими, я перестал изучать взглядом девушку и пошел еще стремительнее. Я не заметил, что шар полетел быстрее и скоро поравнялся со мной. На шарике была нарисована занятная голова клоуна. И когда шар полетел рядом со мной, нарисованный клоун ожил и заговорил звонким голосом.

– Мне велено передать вам, чтобы вы поймали меня, – живо сказал клоун на шаре.

Я был настолько поражен его болтовней, что тут же поймал шар за нитку.

– Держитесь крепче! – закричал клоун. Он начал надувать воздушный шар до внушительных размеров. Нить, за которую я держался, превратилась в крепкую веревку. И когда шар взмыл высоко над Невой, я полетел вслед за ним, ибо настолько растерялся, что не успел отпустить веревку. А нарисованный клоун звонко хохотал надо мной.

– Куда мы летим? – спросил я клоуна.

– Вам привет, молодой человек, от господина Вельзенда.

– А, по-моему, это обычное похищение.

– Вы же знаете, что господин чародей обожает такие прикиды.

– А кто эта девушка с воздушным шаром?

– Забытый персонаж из прошлого.

– Зина или Раймонда?

– Очень может быть! – хохоча, отвечал веселый клоун.

Когда я пролетал над «Крестами», клоун велел отпустить веревку. До железной тюремной крыши было совсем близко. И на ней в кресле из слоновой кости, украшенной золотыми пластинами, восседал господин Вельзенд. Я не испытывал к нему ни прежней ненависти, ни теплых чувств. Но относился к нему с уважением.

– Спасибо за встречу! – воскликнул я. – Вы появляетесь так неожиданно. Хорошо, что мне не пришлось приземляться в кратер непотухшего вулкана, хотя разница и небольшая. Сейчас на крышу поднимется разъяренная охрана.

– Не поднимется. Охрана ничего не заметила.

– Что это за фокус со сверлением? – напустился я на чародея.

– А ты подумай сам. Ответ ищи в прошлом.

– А, моя детская душа? Это все, на что вы способны?

– Ты не простой смертный. Я бы назвал тебя героем. Ты очень напоминаешь мне Ахилла, у которого уязвимым местом была пята. У тебя тоже есть уязвимое место. Это –

душа ребенка. Тебе, как герою, надлежит пройти девять кругов Ада. Когда пройдешь первый круг, ты встретишься с Минотавром.

– О девяти кругах Ада я догадался!

– А может быть услышал мой разговор с Зиной?

– Кстати, как поживает Зина? Я ее очень давно не видел.

– Давай забудем твои прошлые увлечения. Теперь у тебя новая возлюбленная, Верочка Клюге.

– А как быть со свадьбой?

– Неужели тебе не хочется устроить себе праздник? Девушка тебя любит и, кажется, предана тебе.

– Но у меня нет для любви времени.

– Пойми, что без любви ты погибнешь.

– Причем здесь любовь, душа ребенка и девять кругов Ада?

– А разве ребенку не нужна любовь? Нужна, да еще материнская.

– И чего это вы так обо мне печетесь?

– Я почти уничтожил тебя. Но ты все-таки жив. А добивать героев не в моих правилах. Может быть, ты принесешь еще какую-нибудь пользу. А не принесешь, тебя все равно растерзает Минотавр. – Сказав эти зловещие слова, Вельзенд улетел так же внезапно, как и появился.

– А мне что прикажете делать? – закричал я вдогонку магу и волшебнику.

– Тебя подберет клоун, – шепнул мне на ухо Вельзенд, хотя находился на самом деле в Преисподней.

И действительно, откуда-то из-за трубы подлетел ко мне воздушный шар. Я вцепился в веревку, и шар взмыл над крышей и куполами знаменитой тюрьмы. Клоун помалкивал, хотя ему по штату было положено веселить меня. Воздушный шар перенес меня на другую сторону Невы и плавно опустился на землю. Затем шар вновь уменьшился в размерах, веревка превратилась в тонкую нить. Но процесс уменьшения шара пошел не так, как надо, потому что воздушный шар лопнул. И когда я поднял с земли рваные лоскутки его, то разглядел клоуна. Это было старое изображение русского клоуна Олега Попова в знаменитой клетчатой кепке. Клоун был любим мною в юности, и я бережно засунул его разорванное изображение в свой карман.

Свадьба

Мать ждала меня дома. Она изошла вся на нервы и теперь сидела на тумбе у зеркала и пудрилась. Причина ее нервного состояния была мне хорошо известна – она, хотя и благословила меня с Верочкой Клюге, в душе не желала этой свадьбы. И все потому, что мать только что получила письмо от отца. Он сообщал, что не может приехать с Чукотки на свадьбу, зарабатывая хребтом полевой стаж и делая перспективную оценку золота на приисках. Отец мой впервые установил, что из-за хищнической добычи значительные запасы золота оказались погребенными в километровых хвостах отработанной породы. Выводы его оказались очень важными для государства, потому что многие прииски уже исчерпали свои ресурсы. Отец же просто предложил перелопатить все заново, обещая золотые горы.

Письмо мать спрятала, не желая испортить мне настроение. А только я незаметно прочел его: оно оказалось написано довольно резко. И потому я не удивился, услышав от матери:

– Нехорошо без отца свадьбу справлять. Как-то не по-людски. Он так много для тебя сделал. Обидится ведь отец! Может, перенесем свадьбу на осень?

Я грубо шикнул на мать и закинул за диван ботинок. На меня и так все скопом навалилось. Никто не хотел и не мог понять меня. Даже собственная мать хотела украсть у меня праздник. Каждое слово матери ранило меня. Но я слушал ее терпеливо, научившись сызмальства держать себя в руках.

Наконец мать выговорилась. Я понимал, что она обязана была сказать мне эти слова.

– Я тебя предупредила, а там смотри! – вздохнула покорно мать, помолившись перед иконой. Нам давно пора было ехать. Нервное состояние матери передалось и мне. Я начал ходить по комнатам в поисках серебряных запонок (они давно висели в петлицах). Не найдя их, я отшвырнул ногой кота, ласкавшегося под ногами. Взяв вину на себя, кот забрался под диван и затих. И только тогда я обнаружил запонки в рукавах белой рубашки.

– На, выпей немного коньяка, – бодро сказала мать, – а то на тебе лица нет. – Будет тут лицо, когда на душе такое творится. Перед праздником, который сам себе подарил.

Мать надела свое лучшее платье, взглянула на себя в зеркало – на нее глядело усталое выцветшее лицо. А в молодости мать была красавицей. Как видно, следы лишений и несколько лет суровой жизни на Колыме, где она родила нас, троих детей, рано наложили отпечаток на ее привлекательную внешность. Она посмотрела на себя еще раз критически, вздохнула и тоже выпила стопку.

Зазвонил телефон, который Капиталина Владимировна, будучи начальником абонетного отдела Выборгского района, без очереди поставила нам. Следует напомнить особенную значимость этого шага: во всем доме, в котором мы жили, телефон был еще у одного человека: инвалида, героя Великой Отечественной войны. И все потому, что в семидесятые годы с установкой телефона возникали немыслимые трудности. В то далекое время телефоны устанавливались по звонку из Исполкома или Райкома партии, а также по желанию Капиталины Владимировны. В этом свете высокая должность моей будущей тещи была действительно очень значимой.

И вот теперь этот телефон зазвонил. Мать взяла трубку, и сразу же голос ее обрел уверенность и благородство.

– Алло, здравствуйте, Капиталина Владимировна, – весело защебетала она, – нет, не передумал. Таким франтом заделался. Любо-дорого поглядеть.

Помирившись, мы вышли на улицу. День на глазах портился. Низкие тучи обложили со всех сторон весеннее солнце. Крупные капли дождя неожиданно ударили по асфальту, да так звонко, что мы от удовольствия рассмеялись. Телефонный звонок снял все проблемы, и поэтому мы были готовы к празднику и веселью. И чем звонче стучали дождевые капли, тем

заразительнее становился наш смех, ставший апофеозом человеческой радости. А навстречу нам ехало свободное такси.

Посадив мать на заднее сидение, я попросил вихрастого водителя ехать на Петра Лаврого. Наше такси подлетело к нарядному крыльцу Дворца бракосочетаний, как на крыльях. Там мы немедленно попали в объятия Капиталины Владимировны.

Со стороны я смотрелся неплохо. Солидный и представительный. Вот хороший молодой человек! – было написано на моем лице. И никто из приглашенных на свадьбу гостей не знал, что во мне, как динамит, была заключена взрывоопасная тайна. Этой великой тайной была душа пятилетнего ребенка – моя душа, которую я поклялся сделать душой настоящего мужчины.

– Неправда ли здесь чудесно? – спросил я сам себя.

– Но это еще далеко не праздник!

– Погоди, то ли еще будет.

– Мне бы твою уверенность.

– Все будет хорошо, малыш!

– Главное, чтобы наш праздник не превратился в «репортаж с петлей на шее».

– Этого никогда не случится.

– Почему?

– Потому что ты уже живешь во мне. Наши диалоги мне все больше и больше нравятся. И очень скоро мы превратимся в единое целое.

– И когда это произойдет?

– Если честно, когда мы пройдем девять кругов Ада, – А потом мое детское «Я» замолчало и великолепный спор с самим собой прекратился.

Вся церемония бракосочетания прошла передо мной, как в тумане. Но я держался молодцом, был приветлив и когда надо, улыбался в ответ. Да, я был немногословен, но выглядел умно. И никто из гостей не заметил моей угловатости и скованности. Наоборот, я всем понравился своей скромностью и независимостью.

Сразу после регистрации гостей повезли на автобусе на Ланское шоссе, где Верочкины родители сняли под свадьбу громадную столовую.

Когда я приехал туда с Верочкой, от родственников и знакомых зарябило в глазах. Тут были заведующие магазинами, товароведы, мясники и даже декан электротехнического факультета. Они пришли поздравить Верочку с этим незабываемым торжеством. Но пришли они не с пустыми руками, потому что всем им нужны были телефоны, которые никак невозможно было получить без Капиталины Владимировны. Отсюда и дорогие подарки, ароматные закуски и редкие вина на столах, и бесчисленные букеты роз в корзинах.

И в это время закричали: «Горько!» Мы с Верочкой поднялись и поцеловались. Мне было хорошо и легко с ней. Я верил, что эта избалованная и капризная девочка поможет мне пройти девять кругов Ада. А гости пили, закусывали и дружно кричали: «Горько!» Потом мы пошли танцевать и с обоюдного согласия незаметно ушли. И вскоре оказались одни в громадной постели. Мне вновь предстояло ее раздеть, теперь на правах законного мужа. А потом мы занялись любовью. И я возрождался раз за разом, настолько она была сладостна как женщина, и я был ненасытен как мужчина. Праздник получился настоящим. Я не знал до Верочки женщин. Поэтому наш медовый месяц продолжался несколько лет. И теперь я с гордостью могу сказать о себе, что женщина нужна была мне каждый день в течение моей долгой и счастливой жизни.

Утром я проснулся рано. Верочка сладко спала. Я прислушивался к ее легкому дыханию, боясь пошевелиться. Мне не спалось. Уже тогда я понимал, что Верочке будет со мной несладко и что мне не обойтись без ее любви. Она стала моим ангелом-хранителем. И я

решил ничего не говорить ей о своем недуге. Только так мой праздник мог стать праздником согласия и любви.

Меня до сих пор не покидали мысли о необычном сверлении. И я невольно связал сверление в голове и все последующие изменения, которые произошли со мной, с первой нашей любовной встречей. Наверно, если бы Верочка Клюге не полюбила меня, необычного сверления в голове могло и не быть. И тогда не было бы ни спора с самим собой, ни девяти кругов Ада. Но искать причину этого явления следовало в прошлом. В этом я полностью согласен был с господином Вельзендом. А так как надо было с чего-то начать, я стал вспоминать свои вообщем-то счастливые школьные годы…

Смех на палке

В шестом классе я подружился с Анатолием Породиным. Нашему сближению способствовал велосипед, который купил отец на день моего рождения. Велосипед был взрослый. Ни у кого на Камской улице не было такого великолепного велосипеда. Даже у Породина, хотя его отец, дядя Миша, служил коком на пароходе и ходил в море. Скоро я научился ездить на велосипеде под рамой. И Породину тоже дал попробовать. С этого дня и началась наша дружба.

Как-то Анатолий пригласил меня к себе в гости. В тот день у него дома никого не оказалось. Жил он с родителями и сестрой Катей в двухкомнатной квартире тоже на Камской улице. Мы разделись в прихожей и прошли на кухню. Я подумал, что Анатолий хочет меня чем-то удивить. Так и оказалось. Породин на моих глазах спустил штаны и достал свою крайнюю плоть.

– Ты никогда не пробовал? Приятная штука! – сказал он и начал сам себя гладить. Плоть его поднялась, а он знай наяривает.

Сейчас я понимаю, почему это произошло. Тогда о сексе запрещено было говорить. Народ пребывал в этом вопросе в большом неведенье. А детвора, проявляя нездоровый интерес, занималась онанизмом или, как написано в Библии, детским грехом. Эта дурная привычка жила на улице и передавалась мальчишками из поколения в поколение.

Мне было интересно. Я достал свою пипирку, которая на глазах выросла. И хотя моя плоть была гораздо толще, чем у Породина, головка члена не открывалась, чему мешала сросшаяся кожа. Посрамленный, я спрятал пипирку в штаны и пошел домой.

Спать я лег рано. И все думаю о пипирке. Как же так, у всех открывается, а у меня нет? Все уже давно спали. Мать спала одна за шкафом на большой двуспальной кровати (отец был в отъезде), сестра спала на диване, младший брат – на раскладушке. Он спал один, потому что еще писался в постель ночью. Я лежал у стены на односпальной кровати и не мог уснуть. Все трогал пипирку. Матери я ничего не сказал о своем недуге. Тема была слишком туманная. А потом плоть моя поднялась, и я начал кожу на головку натягивать. Было невыносимо больно, кожа полопалась во многих местах, но головка открылась. Я испытал настоящую радость. Теперь и у меня с хозяйством все стало, как у людей. Я попытался повторить движения Породина, но кожа кровоточила, вызывая сильную боль.

Прошла неделя, другая. Кожа на плоти зажила. И я начал заниматься детским грехом. Но в отличие от Породина, я ни с кем не поделился своей тайной и держал ее в секрете.

Итак, в детстве я занимался онанизмом. Может, из-за этого спустя десять лет в голове моей началось сверление? Но этот довод мне пришлось сразу отбросить. Детским грехом занимались все мальчишки на Камской улице, и ни у кого сверления не было. А я чуть было не погиб от него. Надо проанализировать, что было дальше.

Оказывается, я был не такой уж ангелочек! Несмотря на дурную привычку, я хорошо закончил шестой класс и отправился на летние каникулы. А в июне случилась большая радость для нашей семьи. Отца пригласили на год поработать в Китайскую народную демократическую республику. Стояло лето 1956 года. Документы были оформлены отцом заранее. Мы жили тогда в коммунальной квартире, и мои родители скрывали от завистливых соседей эту новость.

В Китай мы отправились на поезде. Сейчас даже не припомню, сколько суток заняла наша поездка. Но, наверно, больше недели.

В Китае мы остановились в Харбине, в гостинице. В ней жили одни русские. Отца я видел редко. Он все время был в отъезде, занимаясь разведкой природных ископаемых. В гостинице я познакомился с веселым рыжеволосым мальчиком. Мы настолько сблизились,

что я решил передать ему свой дворовый опыт, как передал его мне Породин. Я рассказал ему, какая это приятная штука, и мы расстались. Этому мальчику повезло. У него была продвинутая мать. Она объяснила сыну о вреде детского греха. Она хорошо знала моего отца и рассказала ему, чем я занимаюсь.

Я лежал в кровати, когда в мою комнату вошел отец. Он приподнял край одеяла и спросил, почему я так рано лег в постель. Он застал меня врасплох. Я не знал, что ему ответить.

– Будешь заниматься этой дурной привычкой – сойдешь с ума! – твердо сказал отец и вышел из комнаты.

Я еще не понимал, насколько жестоко поступил со мной отец. Он знал, что я не мог бросить сразу эту привычку. Но не поговорил со мной, не пытался предложить свою помощь. А сказал, что я сойду с ума, если буду этим заниматься.

Как-то незаметно приблизился сентябрь. И мы переехали в Пекин и поселились в красивейшей гостинице «Дружба». На закрытой охраняемой территории гостиницы находился интернат для детей русских специалистов и русская школа. Мы попрощались со своими родителями и стали жить в интернате и учиться в русской школе. Время летело незаметно. Я все еще занимался детским грехом. Но скоро наступил день, когда фраза отца начала преследовать меня. Наверно, случилось то, на что рассчитывал мой отец. Я больше не мог заниматься онанизмом. После того, как я порвал с этой привычкой, я почувствовал облегчение. Но я стал другим человеком. Утратил веселость, стал неуверенным и замкнутым. Фраза отца больше не стояла перед глазами, но она сделала свое черное дело. Лучше бы он вообще ничего не говорил мне, чем поступать со мной так жестоко.

Когда наша семья вернулась из Китая, я пошел в восьмой класс. У меня не стало друзей. Я был настолько неуверен в себе, что скоро стал посмешищем всего класса. Мне было невыносимо тяжело находиться в школе. Но отец опять уехал в экспедицию, а мать ничего не понимала в таких сложных вопросах.

Учитель по истории предложил моей матери перевести меня в другую школу. Но я решил не сдаваться. Так началось мое сопротивление. Приходя из школы, я делал зарядку и пел любимою песенку из кинофильма «Дети капитана Гранта»:

Капитан, капитан, улыбнитесь!
Ведь улыбка – это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь!
Только смелым покоряются моря.

С этой песней я успешно закончил восьмой и девятый классы. Песня была замечательная. Но первое время я находился в таком подавленном состоянии, что не мог спеть эту песню так же весело, как спел ее знаменитый артист Николай Черкасов. Но в девятом классе я запел ее должным образом. И хотя у меня начал меняться голос, был я на подъеме. В десятом классе я организовал вечер английского языка. А дома продолжал петь эту песню. Мне не давала покоя мысль, что Анатолий Породин, которого я старался не замечать в школе (он учился со мной в одном классе), превратился в нагловатого самоуверенного парня, не дававшего прохода нашим девчонкам. Он был, пожалуй, лидером в нашем десятом «А», но я не пресмыкался перед ним. Я считал себя нравственно выше и чище его. И, чтобы чувствовать себя увереннее, добился разрешения у директора школы на одну вольность: я начал бегать на переменах вокруг школы. Бегал я в любую погоду: зимой и осенью, в дождь и в метель. А на заднем дворе, где постоянно была открыта для меня дверь, делал зарядку. Так я победил свою неуверенность. Это была красивая борьба за лидерство, высокую нравственность и совершенство. И мне казалось, что я выиграл эту битву.

Но после выпускного бала я не пошел со всеми встречать белые ночи, настолько невыносимо больно мне было находиться среди моих одноклассников. Возле нашей парадной я встретился с отцом. Он, видимо, ждал меня. Увидев слезы на моих глазах, он все понял.

– А что, сынок, пойдем вдвоем встречать белые ночи, – тепло сказал отец, и я до сих пор благодарен ему за эти слова. Мы шли по семнадцатой линии, а отец с увлечением рассказывал об удивительных приключениях, которые произошли с ним за долгие годы работы в экспедициях. Дошли мы до моста «Лейтенанта Шмидта» и дальше пошли по набережной в сторону университета.

Я тогда еще не думал, что проклятие отца продолжало действовать и сводило на нет все мои успешные начинания. А потом я поступил в Технический университет и отучился первый курс на одни пятерки. Но на втором курсе ко мне опять вернулась неуверенность. И тогда я, наконец, понял, что забытая фраза отца: «Ты сойдешь с ума, если будешь заниматься этой дурной привычкой» – продолжала действовать. Я давно уже не занимался онанизмом. И с годами превратился в «проклятого ангела», которого держала за горло сказанная самым любимым человеком на свете зловещая фраза.

С такими мыслями я перестал посещать университет. Мои товарищи по курсу: Юра Пых, Леня Петухов и Лева Цвик продолжали стремительно развиваться. Им было не до меня. Рядом с ними я казался сам себе бездарной серой мышью.

Теперь, анализируя причину сверления в голове, я подумал: не в этом ли прошлом ключ к раскрытию моей тайны? Я определенно был проклят. Проклятие задержало мое развитие. И когда я полюбил Верочку Клюге и затем лишился девственности, началось столь стремительное мое развитие, что оно сопровождалось яростным, неудержимым сверлением в голове. Я теперь знаю, что оно породило спор с самим собой. К сожалению, мне пришлось спорить с пятилетним ребенком – именно такой несовершенной народилась моя душа. Но такой убогий диалог не испугал меня. Я был молод, выносливый и терпелив. Эти замечательные качества помогли мне достичь небывалого совершенства. А вершиной этого совершенства стало познание Матрицы.

Первый круг Ада

С одобрения матери и Верочкиных родителей я перебрался жить на Торжковскую. Родители моей жены после прощального застолья отправились жить на Школьную улицу, подарив дочери двухкомнатную квартиру. Сейчас это прозвучало бы примерно так: подарили «хрущевку», на пятом этаже, без лифта. Но по тем временам это было очень благородно и престижно. И зажили мы, что называется, душа в душу.

Я держался молодцом и первый круг Ада переносил с улыбкой. Мне было плохо и день ото дня становилось все тяжелее. Но я умел хорошо держать удар. Этому я научился с детских лет, работая над собой с большим рвением.

Теперь я жил ради нашей любви. Я должен был помочь Верочке закончить институт. Она слабо усваивала теорию, совсем не умела чертить, и мне приходилось объяснять ей пройденный материал. Когда она приходила вечером домой, я, казалось, забывал о своих невзгодах.

За три месяца непрерывной работы над собой я многого добился. Моя внутренняя речь стала увереннее, и задача «Да – Нет» доставляла истинное наслаждение. С каждым днем я по маленькому шажочку продвигался вперед, но продвигался неумолимо. И наступил день, когда моя детская душа превзошла самое себя, засыпав меня бесчисленными вопросами. Так в далеком и радужном детстве я, наверно, засыпал вопросами свою мать. Ощущение этой удачи наполнило мои глаза светом.

Возможно, содержание этих страниц не было бы столь притягательным для моих почитателей, если бы не логическая цепочка, приведшая меня к познанию Матрицы. Что мною двигало в то мгновение? Желание превзойти подвиг Алексея Мересьева? Но вряд ли я мог стать таким же всенародно любимым героем, оставаясь в тени. Да, мною двигало неиссякаемое стремление к познанию – вот вечный огонь души, в котором рождаются, куются и закаляются истинные герои нашего времени. Они всегда притягательны своей былинной отвагой и непредсказуемостью. Я был интеллектуалом. И много лет стремился к совершенству своей души. На таком высоком уровне до меня еще никто не работал. Но я был молод и полон сил – поэтому мне было необходимо как можно быстрее разобраться со своим недугом. Ночами, после того, как Верочка засыпала в моих объятиях, я начинал заниматься аутотренингом.

Я осторожно освобождался из объятий жены и шел на цыпочках в другую комнату, где ложился на софу. Я расставлял руки и ноги, чтобы они не соприкасались друг с другом, и начинал повторять: «Я могу почувствовать тяжесть в руках и ногах и холод во лбу, но могу не ощутить этого, потому что это не самогипноз, а результат наивысшей саморегуляции организма. В моей груди горит совершенное сердце. Оно сжигает неуверенность, страх, тупость, скованность, и я чувствую себя молодым, здоровым и добрым. А теперь я поработаю над своими эмоциями!

– Я – добрый?
– Добрый!
– Да или нет?
– Да.
– Это правда?
– Правда!
– Я – смелый?
– Смелый.
– Да или нет?
– Да!

Я продолжал этот диалог в течение часа. И если ответ был вялый и неэмоциональный, я задавал вопросы все настойчивее и азартнее, и ответы становились живыми и быстрыми, как я того хотел. В этих мысленных диалогах еще не было ни вертикальной колебательной системы на корне языка, ни горизонтальной колебательной системы на корне и кончике языка. Это открытие придет ко мне позднее. Но уже сейчас я довольно успешно работал над своими эмоциями. Иногда после таких изматывающих сеансов я засыпал на софе. Но просыпался всегда раньше моей любимой и спешил лечь рядом с ней, чтобы она не раскрыла мой секрет.

А однажды мне приснился всадник на белом коне. Позади всадника сидел маленький мальчик. Я шел впереди всадника босиком, но всадник никак не мог меня догнать. Я видел перед собой степь и дорогу. Дорога рассекала степь на две половины: одна была светлая, другая – темная. Я очень этому удивился и спросил всадника, что сие означает. И ответил мне всадник, что левая сторона оттого светла, что осенена она благими деяниями моего отца, а правая сторона оттого темна, что по материнской линии мужчины крепко пили, и моя мать никак не может отмолить этот грех. А младенец, сидящий за всадником, принадлежит мне по праву. Но заговорит младенец, когда я произнесу имя Бога между корнем и концом того, что ничего не скажет, коли молчит. Сказав эти слова, всадник вместе с младенцем исчезли. Остался я один на дороге, разделившей темное и светлое начало точно на две половины.

Я как-то сразу пробудился ото сна. И начал сон разгадывать. Младенец – это определенно душа ребенка, которая живет во мне. А что такое, имеющее корень и кончик? Он ничего сказать не сможет, коли молчит. Язык имеет корень и кончик. И чтобы младенец заговорил, надо произнести имя Бога между корнем и кончиком языка. Я вспомнил незамысловатую молитву: «Господи, славься Имя Твое, славься Царствие Твое. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу!»

Я прочитал молитву несколько раз, но душа младенца – моя душа, молчала. Неужели я что-то не так делал. А ведь я подошел совсем близко к разгадке горизонтальной колебательной системы…

Резниченко стал моим кумиром. Я мало с ним разговаривал, почти не общался, но чувствовал его благотворное влияние постоянно. Владимир Яковлевич умел, как никто другой, пользуясь длинной логарифмической линейкой, находить оптимальный вариант проточной части газотурбинной установки. Когда наши расчетчики обсчитывали его вариант, редко что менялось в конструкции. Я так ему завидовал, словно он пользовался современным ноутбуком, а не примитивным вычислительным инструментом.

Незаметно пролетело капризное лето с теплыми июльскими ночами. После чего началась бесконечная полоса дождей. Я любил дожди, особенно с утра. Под звонкий стук дождевых капель легко дышалось и думалось. Иногда я писал стихи. Но очень скоро чертежи стали моими стихами, поэмами и балладами.

Обойма с направляющими аппаратами уже не казалась мне огромной грудой металла. Наоборот, я увидел в ней блеск полированных лопаток и совершенство линий. Мне нравилось ходить по цехам и наблюдать, как сиреневая стружка выбегала живой из-под резца и вилась длиной змейкой возле станка. А время летело быстро. Я выпустил обойму с направляющими аппаратами, а затем много других чертежей. На меня обратил внимание главный конструктор. Это произошло, наверно, потому, что я любил вкалывать.

За многие месяцы работы над собой я совершил настоящий гражданский подвиг. Начал с Божественного сверления, обрушившегося на мою голову. С рождения капризной детской души, отвечающей на вопросы робко, нараспев или не отвечающей вовсе. Выдержать этот тяжкий крест Господень мог только человек верующий. И вера в Бога помогала мне одолевать страдания. Мысль о несовершенстве исчезла с повестки дня. Появилось ликование в душе вместе с ощущением грандиозной победы.

«Я совершил великий подвиг, – радостно думал я, – Мне удалось заставить мозг работать на пределе своих возможностей. И если я смог это сделать раз, то смогу повторить многократно, пока не пройду все девять кругов Ада».

И вдруг я почувствовал сильную головную боль. Я невольно закрыл глаза и увидел перед своим внутренним взором дивного царя Соломона, его великолепный дворец и высокую мраморную лестницу, ведущую в его покои. Однажды я уже видел эту высокую лестницу. Но тогда головная боль не позволила мне вступить в диспут с иудейским царем. Теперь я не мог отступить, не имел права. Преодолевая боль, я начал подниматься по мраморной лестнице. Царь Соломон ожидал меня, восседая на троне. Но на этот раз ощущение уверенности явилось ко мне взамен боли. Я мысленно заговорил сам с собой, и моя несгибаемая душа отвечала мужественным голосом. Мне необходимо было утвердиться на этом желанном уровне. Но я уже летел как на крыльях по лабиринту. Как и обещал Вельзенд, гигантский Минотавр с телом война и головой быка предстал передо мной. Мы начали кружить по кругу, изучая друг друга. Впереди была кровавая битва – одного из нас заберет смерть. Но не было страха в глазах моих, потому что весь я лучился мужеством и отвагой.

И дрогнул Минотавр, отведя в сторону темные, горящие ненавистью глаза. Удар моего тяжелого кулака обрушился на него, затем еще и еще раз. Минотавр зашатался под моим неудержимым натиском и рухнул на колени. Казалось, что поединок шел к своему удачному завершению. Но неожиданно Минотавр пришел в себя и обратился в бегство. Я невозмутимо направился следом, потому что никто лучше меня не знал секрета лабиринта. Я бесстрашно преследовал Минотавра, пока не оказался с ним в тупике.

В самом конце тупика из стены торчал светящийся обоюдоострый меч с крестообразной рукоятью. Чудище первым приблизилось к мечу и попыталось завладеть им. Оно со всей неистовой силой вцепилось в рукоять меча, но не смогло даже слегка пошевелить его. Обессилев, оно отступило и в страхе прижалось к стене. И тогда я подошел к освещенному мечу. Внимательно осмотрев крестообразную рукоять меча, я узнал его. Это был меч Кольвера, моего побратима, с которым я еще встречусь на этих страницах. Владеть этим мечом мог только Кольвер и я, его воплощение в настоящем. Осенив себя крестом, я произнес заветные слова: «Без нужды не подниму, без славы не сложу!» Не спуская глаз с Минотавра, я сильным рывком выдернул меч из каменного плена и несколько раз рассек со свистом воздух. Минотавр был обречен…

И вдруг Минотавр издал торжествующий грозный рев. Рогатая голова его начала медленно поворачиваться. И когда она совершила полный оборот, вместо бычьей головы передо мной предстало искаженное злой судорогой лицо господина Вельзенда. Это была бессмертная маска мага, которую он надел на голову Минотавра.

– Ты почти одолел Минотавра, – зловеще заговорила маска. – Но теперь ты не сможешь отсечь эту голову, потому что я бессмертен. – И вместе с этими словами направленный пучок яркого света низвергся на меня из Кристалла, которым все еще владел грозный волшебник. Минотавр исчез. Я остался один в кромешной тьме, лишенный завораживающей силы разума. И, значит, первый круг Ада был пройден. Теперь мне следовало начинать все с нуля. Но для того, чтобы выбраться из лабиринта, мне не нужна была спасительная нить Ариадны. Верочкина любовь заменила ее. Нас теперь было тоже двое. И Вельзенду приходилось бороться не только со мной, но и с чистой и светлой любовью Верочки Клюге, оберегавшей меня от неминуемой гибели.

Когда я пришел в себя, то все еще сидел за кульманом. В большом зале, где я работал, было душно. Пахло жасмином, свежим ватманом и бумажной пылью. Все время ломался карандаш. Я его точил, но он тут же ломался. Следовало взять себя в руки.

Швырнув огрызок карандаша в корзину для мусора, я пошел за новым карандашом, думая о Минотавре скептически. «Не так страшен черт, как его малюют», – сказал я себе.

Завхоз, коренастый и рыжий, с хитрым грубо сколоченным лицом на короткой шее, выдал мне твердый карандаш и скрылся за стеллажами. Бывший моряк напоминал боцмана с Летучего Голландца, потому что исчез, словно призрак, оставив в моих руках то, чем было невозможно работать, не свирепея от собственного бессилия. Но я уже взял себя в руки, потому что пришел к выводу, что в душе каждого живет свой маленький злобный Минотавр.

Какое счастье, что во мне жила душа ребенка! Она переродила и воскресила меня. Я спорю с ней, соглашаюсь, терплю. Пусть душа моя спит крепким сном бойца, обессилевшего после успешной атаки. Я готов оберегать этот сон, будучи уверенным, что за ним последует спор с самим собой и бесконечное решение задачи «Да – Нет». И пусть я низвергнут с олимпа, на котором мечтал провести диспут с самим царем Соломоном. Мне надо быть очень осторожным, чтобы не выдать себя. При этом я должен быть тверд, добр и весел – такая маскировка меня устраивала.

Итак, только что я прошел первый круг Ада. У меня ушло на него полтора года! На второй круг Ада я потрачу времени гораздо меньше, потому что знаю, что надо делать. Это во-первых… А во-вторых, меня очень боится Минотавр.

Сергей Иванович Верендягин

Я начал второй круг Ада. Моя душа вновь лишилась эмоций и стала вялой. Вместо внутреннего блестящего диалога и спора с самим собой меня охватило гробовое молчание. Поэтому как специалист я мало что стоил. Меня поддерживала на плаву необыкновенная выносливость и железная воля. Да, потери интеллекта были значительные, но и в этом обличье жить можно было. Я вновь был готов к борьбе. Верочке я не мог сказать ничего о своем тяжелом недуге. К счастью, на работе не заметили во мне никаких изменений в худшую сторону. Для меня было главным сохранить свое лицо. Лицо способного молодого специалиста. А так как я был замкнутым, малоразговорчивым и держался с самого своего появления в К.Б. газовых турбин независимо, то сумел сохранить добрые отношения в коллективе.

Я полюбил свою новую работу. В ней оказалось столько эмоциональных оттенков, что анализировать проточную часть компрессора было удивительной и в какой-то степени поэтической задачей. На любой, даже очень простенький вопрос можно было ответить самому себе с некоторым оттенком мудрости, утонченности, иронии или со злым сарказмом. Все зависело от моих эмоций. И если я об этом пишу, то значит, моя работа и преданная любовь Верочки Клюге вновь помогли мне подняться. Опять не было игры в поддавки, когда одна сторона заведомо сильнее. В такие минуты я до кончиков ногтей чувствовал, как велик и эмоционален был Моцарт, как бесподобен был Гете и как неподражаем был Ломоносов.

То, что я выпустил в срок обойму с направляющими аппаратами, принесло мне огромное удовлетворение и стало заметным явлением в коллективе. Нечеловеческая усталость не отпускала и давила невыносимым грузом на плечи. Но меня постоянно бросали в прорыв. Теперь, если где-то что-то не получалось, вызывали меня и просили помочь. От интересной работы я никогда не отказывался, считая, что только так я мог развить свои мозги, которые отказывались работать. И, несмотря на свой недуг, я с этим справлялся.

Мне была необходима медицинская консультация хорошего специалиста. И я знал, к кому обратиться. Я взял отгул и поехал в клинику неврозов имени Ивана Павлова, где работал знаменитый врач, Сергей Иванович Верендягин.

Доехав на трамвае до Финляндского вокзала, я спустился в метро и за полчала добрался до станции Василеостровская. Дальше я пошел пешком по пятнадцатой линии в сторону набережной, где, перейдя Большой проспект, и обнаружил эту клинику. Дорогу сюда я не забыл, хотя не был здесь много лет. Первым делом я обратился в справочное окошко за номерком к Верендягину.

– Верендягин не принимает, – вежливо ответила мне пожилая медсестра.

– А когда к нему можно попасть? – с надеждой спросил я.

– Молодой человек, подойдите ко мне, – терпеливо сказала медсестра. Я подошел к ней. Женщина пристально посмотрела на меня и добавила:

– Вы знаете, Верендягин здесь больше не работает.

– Но мне надо обязательно его увидеть! – настойчиво сказал я.

– Это не возможно. Он умер.

Ее слова так потрясли меня, что несколько мгновений я не мог вымолвить ни слова.

– Вы у него лечились? – с участием спросила женщина.

– Да, – лаконично ответил я.

– Хотите, я вам дам номерок к другому врачу?

– Нет, спасибо, – поблагодарил я ее и вышел на улицу.

Сергей Иванович Верендягин снял с меня отцовское проклятие. Я хорошо помнил, как пришел в клинику неврозов семь лет тому назад. Мне очень повезло в тот день. В коридоре я увидел длинную очередь пациентов, жаждущих попасть на прием. Тут дверь, за которой

заседала приемная комиссия, распахнулась, и в коридор вышел невысокий мужчина в белом халате. Его русые волосы были зачесаны назад, открывая широкий благородный лоб. Внимательные глаза его смотрели на меня насквозь – ну не глаза, а черные буравчики.

– А вы зря стоите, молодой человек, – обратился он ко мне.

– Почему зря? – промолвил я, от смущения краснея.

– Вы только посмотрите, какая очередь, а место на сегодня всего одно, – пояснил врач.

– Вы зна-ете, м-мне очень нужно. – ни с того, ни с сего я начал заикаться от волнения.

– Что у вас, говорите яснее, – положив мне на плечо руку, сказал знаменитый врач.

– Если вы не примите меня сегодня, я не знаю, что я с собой сделаю!

– Даже так. Тогда пойдем со мной, расскажешь мне свою историю. – Доктор повел меня мимо возмущенной очереди, и, закрыв за собой дверь приемной комиссии, представил меня на суд очень важных врачей. Настолько важных, что лица их я разглядеть не сумел. Они расплывались передо мной, как в тумане.

– А теперь расскажи нам свою историю, – попросил Верендягин.

– Вы знаете, меня проклял отец, – со слезами на глазах начал рассказывать я. – Это проклятие действует до сих пор. Я не знаю, что со мной происходит. Я стал бояться людей.

– И давно отец тебя проклял? – оживленно спросил Сергей Иванович. Мне показалось, что он был здесь самым главным.

– Когда я закончил шестой класс.

– И ты столько лет не замечал этого?

– Я с этим боролся.

– Как боролся?

– По-разному. Бегал вокруг школы, обливался холодной водой, закалял свою волю и пел песню из кинофильма «Дети капитана Гранта».

– И много страдал?

– Очень! Лишь теперь я понял, что с этим проклятием бороться бессмысленно, – горько промолвил я, и долго сдерживаемые слезы потекли ручьями из моих глаз.

– Меня зовут Сергей Иванович. Я берусь тебя вылечить. Ты видел, сколько народу набралось на запись, а я отдаю тебе единственное место без всякой записи. Счастливчик! Я собирался поблагодарить Сергея Ивановича. Но он неожиданно спросил:

– Ты занимался в детстве онанизмом?

– Да, в шестом и седьмом классе.

– Именно за это тебя отец проклял?

– Он сказал, что если буду заниматься этой дурной привычкой, то сойду с ума.

– Теперь мне все понятно! – улыбнулся знаменитый доктор. Сквозь слезы поблагодарил я Сергея Ивановича и выскочил в гудящий от возмущения коридор. Глядя на мое счастливое лицо, больные готовы были растерзать меня на месте. К счастью, молоденькая медсестра сразу же подошла ко мне и повела в приемный покой, где меня раздели, искупали в ослепительно белой ванной и отвели на второе отделение. Там полная симпатичная женщина завела на меня медицинскую карту и поместила в отдельную палату.

В небольшой, хорошо проветриваемой комнате стояла всего одна кровать. Солнце весело заглядывало в окно, отражаясь от белого глянцевого подоконника, овального зеркала и экрана цветного телевизора, стоящего в углу. Не палата, а сказка. Только я подумал об этом, как молоденькая медсестра с длинными ножками и округлой точеной фигурой вкатила в палату сервировочный столик с обедом.

– Сегодня на обед куриный бульон, эскалоп с жареной картошкой и компот, – прочитала она меню. Мне захотелось подойти к девушке и обнять ее – настолько она была сердечная и красивая. Я еле удержался от этого искушения и принялся за обед.

– Вам повезло. Вы попали в очень хорошие руки, – нежно сказала девушка. И, заметив мой изумленный взгляд, воскликнула: «Неужели вы ничего не знаете? Вами же занимается сам Верендягин! Это очень большая умница. Он уже столько людей избавил от тайных недугов. И вас тоже запросто вылечит. – Девушка улыбнулась мне и, показав грациозным движением свои округлые бедра, обтянутые короткой юбкой, скрылась за дверью.

А примерно через час, она пришла за мной и повела по длинному коридору в кабинет Сергея Ивановича. Я шел за ней и не мог глаз отвести от ее узкой талии и стройных ножек. С такой фигурой она вполне могла претендовать на звание «Мисс пятнадцатая линия».

Когда я вошел в кабинет врача, Сергей Иванович что-то быстро писал в истории болезни. Я сел на краешек стула и стал терпеливо ждать, когда врач освободится.

– Итак, вас проклял отец, – живо заговорил Верендягин, глядя на меня спокойными глазами. – Меня в жизни проклинали тысячу раз и ничего, живу себе на славу и других спасаю.

– Это совсем другое дело. Меня проклял отец, когда я был еще ребенком. Этаким несмышленышем.

– Вы помните, как вас проклял отец?

– Конечно, помню. Он подошел ко мне и сказал, что, если я не брошу эту дурную привычку, то сойду с ума. А я не смог без его помощи бросить. Лишь потом, когда проклятие стояло перед моими глазами, я больше не мог этим заниматься.

– Значит, ты – проклятый ангел, – рассмеялся Верендягин.

– Выходит, так. А вы меня точно вылечите?

– Конечно, вылечу.

– Гипнозом лечить будете?

– Самое лучшее лекарство от всех болезней доброе слово.

– Какое слово?

– Самое обыкновенное слово. Так считал Иван Павлов.

– С вами так хорошо разговаривать.

– Ты мне только зубы не заговаривай.

– Хорошо не буду. Я вас внимательно слушаю.

– Ты говорил с отцом по поводу своего проклятия?

– Да, говорил.

– И что он тебе сказал? – Сергей Иванович незаметно перешел в обращении ко мне на «Ты», и мне это понравилось. Я почувствовал, что у нас началась очень доверительная беседа.

– Сказал, что не хотел мне зла и очень меня любит.

– А что я тебе говорил? Это проклятие не имеет силы!

– Как это не имеет силы, если я страдаю?

– Потому, что отец не хотел тебе зла. И еще потому, что очень тебя любит.

– Вы полагаете, что на самом деле я совершенно здоров? – начал я постигать тончайший смысл этого изощренного разговора.

– Конечно, здоров. Здоров, как бык. У тебя просто хронический невроз, вызванный тем, что ты столько лет держал все в себе. Если бы раньше пришел ко мне, так долго не мучился.

– Вы очень умный человек! – восхищенно заметил я.

– Я уже двадцать лет занимаюсь такими великими мучениками, как ты, – откровенно признался Верендягин. – А теперь разденься. Я хочу тебя осмотреть.

Я разделся до трусов. Но Сергей Иванович попросил меня снять трусы и лечь на кушетку. Он внимательно осмотрел мой девственный пенис и понял, что я ему не соврал. Я действительно был проклятым ангелом. Затем он потрогал пальцами мой живот, послушал легкие и работу сердца и велел одеваться.

– Никаких болезней я у тебя не нашел, – уверенно сказал Верендягин.

– А как же проклятие?

– А вот так, милый! Ты совершенно здоров. – Я вышел из кабинета врача, полный странных впечатлений. Идя по длинному коридору, я все время повторял слова Сергея Ивановича: «Здоров, здоров! Совершенно здоров!»

Пружинистой походкой вошел я в свою палату. Лег на байковое одеяло и весело рассмеялся. Мне очень повезло, что я встретился с Верендягиным. Теперь я не сомневался или почти не сомневался, что он меня вылечит.

Сергей Иванович Верендягин (продолжение)

На другой день, сразу после завтрака, меня вновь пригласили в кабинет Сергея Ивановича. Врач сидел за столом и что-то быстро писал, затем ловким движением руки вытащил самую тоненькую историю болезни. Мне было интересно, что он написал в ней обо мне. Я хотел знать, как можно больше об этом знаменитом враче. Закончив писать, Верендягин положил шариковую ручку в карман белого халата и тепло взглянул на меня.

– Как вы себя чувствуете? – живо спросил он. Что я мог ему ответить, проведя в клинике неврозов всего один день. Мне казалось, что злые чары надо мной развеялись. Но определенно почувствовать себя здоровым не мог: слишком свежи были еще душевные раны.

– Даже не знаю, как вам ответить, – сказал я дипломатично.

– Вижу, что сомневаешься в эффекте воздействия слова, – усмехнулся Сергей Иванович. Знаменитый врач говорил со мной так откровенно, как ни разу в жизни я не говорил со своим отцом. И достаточно было обыкновенного доброго слова, чтобы наступило мое полное исцеление. По мнению Сергея Ивановича, я должен был очень скоро почувствовать на себе поразительный эффект воздействия слова. Да, слово калечит души детей. Но именно слово является лучшим лекарством от всех болезней.

– Я действительно от ваших слов начинаю себя хорошо чувствовать, – восхищенно признался я. И все-таки в глубине души мне не верилось, что слово может исцелить меня.

– Ты заболел оттого, что в твоем подсознании засели ложные мысли. Именно они мешают тебе обрести уверенность. Я тщательно осмотрел тебя и не нашел никаких отклонений от нормы. Попробуй дать волю своей фантазии, и у тебя вырастут крылья.

– Мне хочется многого добиться в жизни. Стать известным писателем.

– Ты еще очень молод и можешь добиться всего, чего пожелаешь. Даже великие умы попадались на эту удочку, на которую ты попался.

– А еще я верю, что решу сложнейшую задачу.

– Какую задачу? – насторожился доктор.

– Задачу о лабиринте. Мне хочется узнать, что находится на самом верху?

– А по-моему, эта задача уже решена Чарлзом Дарвином: на вершине эволюции стоит человек.

– У меня задача о стремлении к совершенству. Человек, прошедший через лабиринт, станет самым совершенным на свете.

– А не проще ли все это выкинуть из головы, – сказал мне Сергей Иванович. – Живи, как все. Доведется прославить свое имя – хорошо. Не доведется – тоже неплохо. Главное в жизни – быть хорошим специалистом. – Врач все так доходчиво мне объяснил, что после разговора с ним, я почувствовал себя талантливым и смелым. Уже тогда, в девятнадцать лет, я думал о сложнейшей задаче лабиринта, которую мне предстояло решить в будущем. Что это было – гениальная интуиция или предначертание судьбы? Или я был избран Богом для познания Матрицы общения с тем, чтобы передать ее людям?

Улыбаясь, я шел по коридору. Мне захотелось, как можно быстрее поверить в себя, набраться сил, чтобы немедленно приступить к учебе, и еще захотелось съесть обыкновенную университетскую булочку.

Я настолько быстро пришел в себя, что решил позвонить матери. Трубку снял отец. Он наговорил мне столько приятных слов, которых так не хватало в детстве. Я прислушивался к его голосу и радовался за него. А отец все говорил и говорил, не давая вставить в разговор ни слова.

– Ты должен понять, что я очень люблю тебя и никогда не желал тебе зла. Ты мне веришь, сынок?

– Да, папа, очень даже верю.

– Прости меня за все свои переживания, если можешь.

– Я давно тебя простил, папа.

– У тебя было всегда доброе сердце, сынок, – сказал на прощание отец и повесил трубку.

С каждым днем во мне появлялось что-то новое. Я чувствовал, что опять становлюсь цельной натурой, а откровенные беседы с Верендягиным приближали меня к долгожданной победе.

Я думал, что Сергей Иванович не может быть жестоким. Эта черта совсем не вязалась с его гуманистическим мировоззрением. Но настал день, когда я узнал другого Сергея Ивановича. Узнал, что если потребуется, он мог поступить жестоко по отношению к больному (если был твердо уверен, что его пациенту от этого станет лучше). Но такова была мудрая методика Верендягина.

Лева Цвик

Меня пригласили в кабинет Верендягина неожиданно. В тот день мы не договаривались о встрече. Но эта новость меня скорее обрадовала, чем огорчила.

Сергей Иванович взглянул на меня, улыбнулся и расстегнул верхнюю пуговку на белоснежном халате. И тут он задал вопрос, который я давно ожидал от него услышать. Перед каждой встречей с Верендягиным я мысленно готовился к этому вопросу, но, когда он прозвучал, растерялся.

– Тебе не кажется больше, что кто-то преследует тебя? – шутливо поинтересовался Сергей Иванович и угодил в яблочко.

– Нет, не кажется, – нервно рассмеялся я. Как ни старался, я не смог скрыть своего замешательства.

– Вот и замечательно! – Врач явно не ожидал от меня такой эмоциональной реакции, тем не менее, решил, что его юный пациент достаточно окреп, чтобы выдержать это испытание на прочность.

– Но для меня тут нет ничего отличного, – живо промолвил я, – Я тоже совсем недавно боялся людей!

– Например, кого ты боялся? – невозмутимо спросил врач.

– Леву Цвика!

– У тебя был обыкновенный невроз.

– Но это такая зыбкая грань. Мне кажется, что я схожу с ума.

– Ничего плохого с тобой не случится, поверь моему опыту. Ты станешь только сильнее. – Сергей Иванович обнял меня за плечи, приблизив свои удивительно ясные и доброжелательные глаза. И я обратил внимание на необычную подвижность его зрачков – они сияли фосфористым блеском.

Не сказав больше ни слова, Верендягин повел меня по коридору. Мы быстро дошли до лестницы и спустились по ней в подвал. Определенно, я уже видел эти ярко разукрашенные стены. Со звездами и луной. И тут я вспомнил, что из приемного покоя меня провели через этот подвал, и по лестнице я поднялся наверх. Движение по лестнице вверх мне показалось тогда очень занимательным, словно я уже видел этот подвал с нарисованными звездами и луной, двигаясь в лабиринте. Я удивился, что в лабиринте не было Минотавра. В данный момент он бы одержал надо мною легкую победу. Но таковы были правила игры, предложенные господином Вельзендом. Минотавр появлялся только тогда, когда я достигал вершины совершенства.

У стены стояла скамейка. На ней сидел молодой человек. Он встал при моем приближении. Приглядевшись, я узнал Леву Цвика. Я ожидал увидеть кого угодно, но только не его. Но Лева Цвик был менее опасен, чем грозный Минотавр. Я очень обрадовался своей реакции – его я больше не боялся. В следующее мгновение на моем лице родилась счастливая улыбка: уверенной походкой я подошел к Леве Цвику и крепко стиснул его руку.

– Как вам живется на воле? – живо спросил я.

– У нас все нормально. Вот экзамены сдаем, – бодро ответил Цвик.

– И, тем не менее, ты выкроил время для нашей встречи. Я бы сказал незабываемой встречи.

– Почему незабываемой? – усмехнулся Цвик.

– Потому что я стал другим человеком. Ты видел этого врача? Это – гений!

– Но лучше с этим гением больше не встречаться.

– Помнишь, как мы пили шампанское за свободу слова!

– После чего мы стали друзьями. Леня Петухов, Юра Пых, ты и я.

– Ты говоришь в прошедшем времени. Сдаваться я не собираюсь.

– А я думал, что ты возьмешь академический отпуск.

– Ребята знают, почему я здесь?

– Леня Петухов знает. Он предлагает тебе свою помощь.

– Фантастика! И ты веришь, что мне удастся наверстать упущенное?

– Конечно, верю, – убежденно произнес Лева Цвик, скорее, для того, чтобы подбодрить меня в эту минуту. Собственно, если выздоровление пойдет такими стремительными темпами, ничто не может помешать мне сдать пропущенные экзамены. Эта мысль захватила меня настолько, что я перестал чувствовать себя скованно. И тут Лева достал из новенького дипломата толстую книгу в синем глянцевом переплете и протянул ее мне.

– Что это? – с восхищением спросил я, разглядывая дорогую книгу. То была книга Жана Эффеля «Сотворение мира» с его изумительными рисунками.

– На память о нашей встрече, – лукаво улыбнулся Цвик.

– Совсем, как в старые добрые времена, – звонко рассмеялся я. Мы еще долго непринужденно говорили с Левой, и я не чувствовал больше над собой его превосходства. Я перестал быть серой мышью, став талантливым и обаятельным молодым человеком. Когда Сергей Иванович зашел за мной, ему было, чему порадоваться за своего пациента.

Очутившись в своей палате, я первым делом раскрыл подаренную книгу. На титульном листе было написано ровным мальчишеским почерком: «Виктору просто так. Лева».

Я несколько раз перечитал эту надпись, и слезы радости полились из моих глаз. Уткнувшись в подушку, я беззвучно заплакал. Я не думал, что Лева Цвик и Леня Петухов отнесутся ко мне с таким дружеским участием. Успокоившись, я попытался разобраться в своих эмоциях.

Определенно, Верендягин сыграл со мной жестокую шутку, рассказав байку о душевнобольных. Да, я получил жесточайший удар по своей психике. Но затем произошло то, что и должно было произойти с молодым крепким организмом. Мое сознание справилось с наплывом новой информации. Благодаря чему Сергей Иванович всего за одну минуту сделал меня совершенно здоровым человеком.

Находясь в приподнятом настроении, я не думал, что его методика может мне когда-нибудь пригодиться. Но на всякий случай ее запомнил. А на другой день Верендягин выписал меня из клиники, обняв на прощание.

Я вышел на пятнадцатую линию в ясный морозный день и, не торопясь, направился домой. Я не знал, что меня ждет в потемках лабиринта, именуемым жизнью. Но то, что сделал для меня Сергей Иванович, буду помнить до конца дней.

И вот его не стало. А мне было необходимо увидеться с ним.

Происходящее со мной, я не считал болезнью. Я успешно прошел первый круг Ада. Сил и веры в себя у меня было предостаточно. Я знал, что надо делать и как вести себя дальше. Меня окрыляла любовь настоящей женщины, делающая меня непобедимым. Поэтому я решил не посвящать Верочку Клюге в свои проблемы. Но то ли писательский зуд проснулся во мне, или это был зов предков, среди которых было много писателей, поэтов и ученых, – оставшись без мудрой поддержки Сергея Ивановича, я решил коротко записывать свои интересные мысли в ежедневник. Так я начал вести дневник, не думая, что его могут прочитать Верочкины родители.

Дневник

Давно это было. Ценные записи того периода, как и сам дневник, были утеряны или сохранились лишь короткими отрывками. Поэтому точных дат я ставить не буду.

Итак, сегодня ночью произошло мое любовное свидание с Верочкой Клюге.

А утром, точнее в двенадцать часов дня в моей голове началось сильное сверление, результатом которого было рождение моего «Я» с голосом пятилетнего ребенка. Так впервые в жизни у меня появился спор с самим собой. Но этот внутренний диалог неустойчив, мое «Я» отвечает на вопросы растянуто, нараспев или, ссылаясь на усталость, надолго замолкает.

У этой проблемы есть свои плюсы и минусы. Но то, что в моем сознании появился спор с самим собой, огромная удача. Теперь, работая над собой, я могу стремительно развиваться. После свадьбы я решил ничего не говорить Верочке о своем недуге. Занялся опять аутотренингом. Иногда у меня получаются живые и эмоциональные споры с самим собой. В такие минуты я необыкновенно счастлив. Но чаще мое «Я» вялое и безжизненное. Я не сдаюсь.

На заводе я принял участие в профсоюзном собрании. Мне дали сложнейший узел, но я доволен, что взял на себя повышенное соцобязательство. Мне необходимо все время решать задачу «Да – Нет», а в этой работе ее много.

Несмотря на большую усталость, я выпустил этот узел в срок, а затем еще много всевозможных чертежей. Я прошел первый круг Ада и добился, чего хотел: мое «Я» стало живым и эмоциональным. В течение недели я наслаждался своим совершенством. А потом перед моими глазами возникло странное видение. Я очутился в лабиринте и полетел как на крыльях. В глубине лабиринта я встретился с грозным Минотавром. Мы сражались с ним насмерть. Я начал было побеждать его. Но в наш поединок неожиданно вмешался господин Вельзенд. Именно он надел на голову Минотавра свою бессмертную маску. А затем Минотавр воспользовался Кристаллом и поразил меня в грудь направленным лучом. Этот луч разрушил мой интеллект до основания. Теперь придется начинать все сначала. Но зато я прошел первый круг Ада. Он занял у меня полтора года. Несмотря на то, что мне пришлось упасть с вершины мирозданья на самое дно, я одержал блистательную победу. И, хотя это был всего лишь Сизифов труд, меня теперь не остановить. Я знаю, что мне делать дальше.

Я опять делаю по утрам зарядку, обливаюсь холодной водой, завтракаю и иду на работу. Какое счастье, что Верочка меня любит. Ради нее я готов горы свернуть, могу часами работать над чертежами, только бы не думать о своем несовершенстве. Как Геракл, я должен был совершать свои подвиги, чтобы обрести долгожданную свободу. Для меня эта победа означала свободу духа, разума и интеллекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.